

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Г.В. Зибарев - доцент кафедры конституционного и административного права Омского юридического института, кандидат юридических наук

Российская политico-правовая культура сформировалась под влиянием особенностей цивилизационного развития нашей страны. В результате в обществе сложился тип человека с особой политico-правовой культурой, которая в последующем определяет развитие российской государственности, позволяя институализироваться, даже после самых серьезных потрясений, новой государственно-правовой системе, максимально похожей на прежнюю.

Уникальность русской культуры заключается в том, что она вобрала в себя культуры десятков народов и терпима к ним. По своей преданности идеям свободы, справедливости - это европейская культура, о чем можно найти много свидетельств в русской литературе, «нравственное острье которой всегда было направлено на защиту справедливости, были созданы сотни произведений удивительных по своей общественной совестливости»¹.

Однако есть и другая черта нашего национального характера, замеченная довольно давно, - во всем доходить до крайности, до пределов возможного. «Эту черту доведения всего до границ возможного и при этом в кратчайшие сроки можно заметить в России во всем, благодаря этой черте Россия всегда находилась на грани чрезвычайной опасности.»².

Особенностью русского сознания являлось также то, что в нем необычайно глубоко закрепилось особое отношение к власти и праву, что стало характерной, если не сказать традиционной, чертой национального менталитета. На такое восприятие власти во многом повлияли естественно-географические условия жизни, которые воздействовали на сознание россиян как прямо («Душа всякого народа похожа на душу того пейзажа, среди которого он живет.»³), так и опосредованно, что так или иначе сказывалось

на всех сферах жизнедеятельности. Например, российские мыслители Н. Трубецкой и Л. Н. Карсавин выводили такую черту национального сознания, как стремление россиян к абсолютному, именно из естественно-географических условий обитания, из «ландшафтности» сознания. Огромная территория с невидимыми и лишь предельно мыслимыми границами обеспечивала тягу сознания к абсолютному в процессе мышления, к масштабности и неконкретности, что Л. Н. Карсавин и называл тяготением «русского человека к абсолютному».

С другой стороны, необходимость практического «стяжения» географических просторов в единый хозяйственный механизм в свою очередь предопределяла форму коллективного хозяйствования на территории евразийского континента - зоны критического, рискованного, а потому требующего коллективных усилий земледелия. «Предельно большие государственные величины в сочетании с конечностю и ограниченностью самого индивида вырабатывали тип особой мыслительной архитектоники - мышление большими категориями, за которыми нередко забываются отдельные моменты жизненно необходимой конкретики. Централизация, сплочение вокруг объединяющего начала, общая цель, абсолютизация этой цели как единственно возможного на таких просторах стержня общественных связей, а тем самым и абсолютизация этих связей - составляющие данной архитектоники»⁴.

Кроме того, менталитет россиян оказался весьма восприимчивым к некоторым компонентам менталитета других народов, взаимодействовавших в прошлом с русскими, порой даже порабощавших их, существовавших в подобных естественно-географических условиях, что и русские. Это взаимодействие и взаимо-

¹ Краснов Ю. К. Российская государственность: эволюция институтов власти и проблемы их модернизации. М., 2001. С. 176.

² Лихачев Д. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 5.

³ Степун Ф. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 202.

⁴ Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 99.

влияние в одних случаях приводило к заимствованию россиянами тех или иных социально-психологических качеств других народов, в других - обуславливало весьма своеобразное решение общезначимых цивилизационных проблем, таких как становление и развитие государственности, взаимоотношение общества и индивида, понимание природы демократии и т. д. В этой связи интересны рассуждения Н. Трубецкого о наследии Чингисхана и его значении для развития социально-психологических качеств менталитета россиян⁵.

Огромное влияние на формирование особого ментального образа власти оказали принятие на Руси православия, а также унаследованная от Византии модель взаимоотношений государства и церкви по типу симфонии, не предполагавшая никакого ограничения или разделения светской власти в отличие от модели «двух мечей» (папы и императора), господствовавшей в средневековой Европе. Там церковная и светская власть были разделены изначально, и поэтому сферы их компетенций были ограничены.

В результате такого воздействия христианства на развитие властного мышления сформировалась особая идея монархической власти⁶, одним из фундаментальных принципов которой была центральная фигура монарха, приобретающая под воздействием религии более метафизический и вместе с тем более логический смысл. Другой аспект политического бытия русского общества заключался в том, что сама монархическая идея как система «имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием..., а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей..., установлен свыше, освящен верой отцов и традициями старины»⁷. Даже в период переломов, например в годы Смуты, петровских реформ, ослабление монархической государственности приводило к тому, что монархия автоматически восстанавливалась в основном благодаря народу, «продолжавшему считать законом не то, что приказали, а то, что было в умах и совести монархического сознания людей». Это связано с тем, что Российское государство было всегда преимущественно сильно символически, в нем преобладали не столько реальные практики, сколько «образы власти», т. е. конкретную власть легитимировала не ее эффективность, а, скорее, ее символичность.

Поэтому наиболее пригодной формой правления для России на протяжении ее многовекового развития являлась абсолютная монархия. Вплоть до конца XIX в. иная форма правления не могла органично восприниматься ни сознанием «верхов», ни сознанием народа. И только самодержавие, единоличная царская власть в народном сознании воспринималась как правомерная власть.

Исторически сложилось так, что государство в России персонифицировалось с одним человеком - царем, императором. Этот стереотип прошел через XX в. и до сих пор существует в национальном менталитете. «Даже когда меняется форма правления, как это произошло в России в 1917 году, то это не означает, что приверженность единоличной власти просто уходит в песок. Она остается, но уже не в форме самих институтов, а как предрасположенность к определенной традиции. Не случайно все советские и постсоветские формы правления, так или иначе, воспроизводили единонаучие, несмотря на то, что официально монархия была предана анафеме», - считает Е. Б. Шестopal⁸.

Указанные особенности политico-правовой культуры, традиций, менталитета россиян никогда не учитывались при реформировании российской государственности. Один из парадоксов российской государственной власти состоит в том, что реформы и перестройки инициировались и проводились «сверху». И суть его (парадокса. - Г. З.) можно выразить в расхожем современном афоризме: «Хотели как лучше, получилось как всегда».

Реформы в России всегда задумывались и проводились «сверху» в специфических условиях, которые в современной литературе получили название социокультурного раскола. Реформаторская элита с инновационным типом культуры, в основе которого лежит критический, целерациональный, технократический стиль мышления, всегда была больше озабочена целями развития и его организационными формами, чем ценностными ориентациями людей. Ей казалось, что посредством административного воздействия на сложившуюся ситуацию достаточно человека поставить в особые организационные условия, чтобы он вынужденно или с сознанием необходимости, изменив свои жизненные установки, стал решать новые задачи. Поэтому попытки трансформировать основы экономической, социальной и политической жизни России без изменения культуры как духовного кода жизнедеятельности подавляющего большинства ее населения приводили к социокуль-

⁵ См.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана // Вестник МГУ. Серия «Социально-политические исследования». 1991. № 4 ; Его же. О турецком элементе в русской культуре // Вестник МГУ. Серия «Социально-политические исследования». 1990. № 6. С. 60-68.

⁶ Подробнее см.: Величко А. М. Философия русской государственности. СПб., 2001.

⁷ Цит. по: Величко А. М. Философия русской государственности. С. 168.

⁸ Шестopal Е. Б. Политическая психология : учебник. М., 2002. С. 210.

турному отторжению реформ, по мере того как они создавали ситуацию фрустрации или дискомфорта. Это сопровождалось кризисом государственной власти и заканчивалось контрреформами «сверху» или революциями «снизу».

Вследствие этого в тех или иных социальных противоречиях, возникающих в отечественной истории, русская мысль искала идеалы, образцы (чаще всего на Западе) лучшего обустройства для своего отечества и принципы функционирования государственного организма. Причем считалось, чем точнее они будут привнесены (скопированы) на отечественную почву, тем быстрее и эффективнее будет их результат. Однако поиск «желаемого» всегда заканчивался одним и тем же: идеалы, столкнувшись с реальным укладом жизни, вообще подрывали всю политическую и правовую ткань общества. Поэтому неудивительно, что, оказываясь у пропасти (отказ от прошлого и разочарование в будущем заманчивых идеалов), русское сознание начинало, по сути, интуитивно тянутся к тому, что внутренне было ему присуще, к тем основам, которые нас скрепляли. Эта «коллективная» саморефлексия приводила нас, как обычно, к «Русской Идеи» (идее власти. - Г. З.), к ее нравственному, духовному идеалу, которая, по замечанию Г. В. Ф. Гегеля, выступает как основание нации, есть ее обоснование, удовлетворяющее дух⁹. В результате на месте рухнувших форм воспроизводились новые, максимально близкие к прежним, подтверждая тем самым закон социальной преемственности.

Данная закономерность отмечается многими авторами¹⁰. И именно преемственность культуры как духовного кода жизнедеятельности подавляющего большинства населения и политico-правовой культуры, в частности, как «своего рода матрицы политической жизни»¹¹ является основанием преемственности в государственно-правовых институтах.

Так, при всех отличиях от дореволюционной российской культуры советская политическая культура была ее естественной (пусть и невольной) преемницей. Более того, некоторые ее элементы были не чем иным, как превращенной формой существования традиционной культуры в условиях XX в. подобно тому, как сам Советский Союз был адекватной условиям нынешнего столетия формой существования

Российской империи. Как отмечает Р. Такер, «сколь бы ни была революция новаторской в культурном отношении - в смысле создания новых институтов, убеждений, ритуалов, идеалов и символов, - национальный культурный этос продолжает свое существование многими путями, причем в одних сферах жизни более устойчиво, чем в других. Со временем происходит процесс адаптации, посредством которого элементы дореволюционного культурного прошлого нации ассимилируются в новую революционную культуру, которая таким образом принимает форму амальгамы старого и нового»¹². В связи с этим возникшая после февраля 1917 г. система Советов генетически была связана с «архаическими народными представлениями о власти»¹³.

Изложенное, однако, не означает, что у демократии, парламентаризма в России нет шансов или что они вообще не нужны. «Ныне в России происходит смена политico-правовой парадигмы. Процесс болезненный, но исторически неизбежный»¹⁴. И новая политico-правовая культура может складываться за счет четырех основных источников. Главный из них - собственная политическая практика. В стране налицо публичная политическая жизнь, в которую вовлечена значительная часть населения. Накапливается новый опыт, формируются новые традиции, на базе которых и начинают выкристаллизовываться современные политico-культурные образцы.

Второй - заимствование зарубежного опыта, которое уже идет (в основном заимствуются западные образцы). Время позволит скорректировать этот процесс, постепенно отбирая то, что подходит для России.

Третий источник - это советское наследие, в котором нашли воплощение не только привнесенные, но и архетипические черты российской культуры, такие как, например, коллективизм.

Четвертый - новая политическая культура может формироваться за счет возрождения дореволюционной российской культуры. О подобной возможности писал русский философ Н. Лосский: «. В области политической культуры. императорская Россия создала ценности, которые приобретут всемирную известность тогда, когда их достаточно изучат и осознают, и, прежде всего, при возрождении в процессе послереволюционного развития русского государства»¹⁵.

⁹ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 59.

¹⁰ См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 350 ; Идеология российского возрождения: из беседы председателя РОС, депутата Государственной Думы С. Н. Бабурина с писателем, философом и политологом А. А. Зиновьевым // Бабурин С. Н. Российский путь: утраты и приобретения (статьи, выступления, интервью). М., 1997. С. 201 ; Пивоваров Ю. С. Русская власть и исторические типы ее осмыслиения // Российская политика на рубеже веков. М., 2001.

¹¹ Баталов Э. Я. Советская политическая культура // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность : хрестоматия / отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М., 2000. С. 298.

¹² Цит. по: Баталов Э. Я. Советская политическая культура. С. 299.

¹³ Российская цивилизация : учебное пособие / под общ. ред. М. П. Мчедлова. М., 2003. С. 122-123.

¹⁴ Баталов Э. Я. Советская политическая культура. С. 313.

¹⁵ Лосский Н. История русской философии. М., 1991. С. 4.

Такой учет национально-культурной специфики при рассмотрении проблем современной российской демократии, отечественного парламентаризма может быть продуктивен не только в теоретическом плане, но и при осуществлении конкретных политico-правовых программ. Любые реформы должны соответствовать социокультурному пространству, в котором они осуществляются, то есть

быть санкционированы ментальностью различных социальных групп и культурными архетипами индивидов. Следовательно, основой любых правовых инноваций должна стать культурная и демократическая институционализация национально-исторической специфики, обеспечение преемственности и культивирование традиций, что является главным условием действенности любых правовых реформ.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИСТОЧНИК ПРАВА»: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В. В. Огородников – доцент кафедры истории и философии Омского юридического института, кандидат юридических наук

Одной из причин недостаточной теоретической разработки проблемы источников права являются многозначность и нечеткость самого понятия источника права. А. Ф. Шебанов отмечал, что «оно принадлежит к числу наиболее неясных в теории права. Не только нет общепризнанного определения этого понятия, но даже спорным является самый смысл, в котором употребляются слова «источник права». Ведь «источник права» – это не более как образ, который скорее должен помочь пониманию, чем дать понимание того, что обозначается этим выражением»¹. Эта мысль, высказанная более 30 лет назад, актуальна и сегодня. В самом деле, под источником права понимают и материальные условия жизни общества (источник права в материальном смысле), и причины юридической обязательности нормы (источник права в формальном смысле), и материалы, посредством которых мы познаем право (источники познания права). Кроме того, ряд авторов – советских и зарубежных – выделяют исторические источники права, под которыми обычно понимают вклад внутреннего и иностранного права в создание какой-либо правовой системы. В условиях такой многозначности использование данного понятия в качестве научной категории связано с серьезными проблемами. В 1960-е гг. некоторые ученые предлагали заменить «источник права» по-

нятием «форма права», позволяющим, по их мнению, вести исследование права более глубоко и всесторонне². Такая позиция не получила, однако, широкой поддержки.

Другие авторы для достижения большей четкости предлагают обозначать термином «источники права» источники права в материальном смысле, а юридические источники права (источники права в формальном смысле) определять посредством словосочетания «источники правовых норм»³.

Вместе с тем единство подхода к данному вопросу ограничивается признанием того, что юридический источник права есть нечто, относящееся к «форме права». Выше уже отмечалось, что в нашей юридической науке отсутствует общепринятое понятие источника права. Большинство исследователей под юридическим источником права понимают форму, в которой выражено правило, сообщающее ему качества правовой нормы, тот единственный «резервуар», в котором пребывают юридические нормы⁴, форму установления и выражения правовых норм⁵. При этом последняя формула толкуется неоднозначно. Так, одни авторы имеют здесь в виду нормотворческую деятельность государства, другие – результат этой деятельности (различные нормативные акты: законы, дек-

¹ Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 48.

² См.: Зивс С. Л. Развитие формы права в современных империалистических государствах. М., 1960. С. 81.

³ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 123.

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. С. 315.

⁵ См.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 218.